

A close-up photograph of a man and a woman smiling and looking at each other while holding a book. The man is on the left, wearing a dark turtleneck and glasses. The woman is on the right, wearing a yellow jacket and glasses. The background is bright and out of focus.

Елена
Дженкинз

Москва - Лондон,
кот и букет невесты

Цикл "Любовь вопреки себе"

16+

Елена Дженкинз Москва-Лондон, кот и букет невесты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44873909

SelfPub; 2019

Аннотация

Приехав на свадьбу друга, Эмили и не подозревала, в какой водоворот событий ее толкнет... рыжий кот. Но ведь когда от жизни уже не ждешь ничего удивительного, тогда и происходят чудеса. Короткий любовный роман, заключительный в цикле "Любовь вопреки себе". Самостоятельный сюжет. Для обложки использованы снимки с Pexels и Pixabay.

Содержание

Глава 1. Удачное падение	4
Глава 2. Кот	12
Глава 3. Букет невесты	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Глава 1. Удачное падение

– О, о, посмотри на эту сытую морду... Тише, спугнешь!

Настя толкнула его в плечо, а сама рот ладонью зажала, чтобы не засмеяться.

– Я-то молчу, а ты все шепчешь и шепчешь.

– Да тише, пап, прошу же!

Он не выдержал и уткнулся лицом в синий клетчатый плед, который держал в руках; плечи затряслись от глухого смеха, а Настена взвыла:

– Труба! Удрал, Рыжий. И где мне его теперь ловить?!

Николай Терехов, которого и враги, и друзья называли «скромно» Большим Боссом, помогал дочке поймать кота. Рыжий был единственным чадом в доме Насти, которая три года назад вышла замуж, но скоро она собиралась стать мамой своего, человеческого, детёныша.

Во дворе сустились люди: свадьба как-никак, счастливый день, дел по горло. А Терехов выслеживал кота.

– Да ладно тебе, Настасья. Пускай гуляет, вечером поймем, когда гости разъедутся.

– Он лапы отморозит, – расстроилась она.

День и правда холодный выдался: минус два градуса. Тридцатое октября, а уже первый снег утром выпал. Вроде бы радоваться надо, это же благословение небес, а дочка, ко-

торая привезла на свадьбу лучшей подруги несчастного Рыжего, испугалась, что тот простудится. Она раздобыла для него кошачий комбинезон и теперь терроризировала окружающих.

– Эх ты, а еще Большой Босс. Как вкладами жонглировать, так ты мастер, а животину спасти от вымерзания – так пускай гуляет, – укорила она и направилась в дом, вздернув нос и уперев ладони в поясницу, хотя и живота-то еще толком не видно было: три с половиной месяца беременности. Николай догнал ее и набросил плед на плечи.

– Чую, устроит нам еще Рыжий сегодня, – покачала она головой. – Хоть бы Саньке на платье не прыгнул в разгар церемонии.

Санька – это невеста, Александра, которую Большой Босс очень уважал. Она к тому же была падчерицей его лучшего друга Валика Прохорова, на даче которого, собственно, и собрался честной народ.

– А Рыжему делать больше нечего, по-твоему, как на чужих женщин прыгать?

– Он хоть и старый, но шустрый.

– Да, мы, старики, такие, – подколот дочку Николай, и та фыркнула, сдув светлую прядь волос со щеки.

– Папа, тебе всего сорок восемь и выглядишь ты, как Джеймс Бонд, а Рыжему по человеческим меркам – почти девяносто. И выглядит он, как... Короче, имей уважение к старшим.

Она улыбнулась какому-то неожиданному воспоминанию и сказала:

– Кстати, в доме глинтвейн наливают. Выпей и за меня, будь другом, а я пойду букет невесты посмотрю, флорист уже два часа как маятник – туда-сюда, туда-сюда.

Настена вернула ему плед и скрылась в западном крыле. Дача Прохоровых стояла на берегу Москвы-реки в Николиной Горе. Место уединенное, уютное, в самый раз чтобы избежать папарацци. Один уже ошивался на рассвете у ворот, но на территорию загородного дома известного дипломата попасть, естественно, не смог. Оказалось, фотограф жаждал не столько свадьбу заснять, сколько американскую актрису, Эмили Райт, которая вроде бы планировала приехать. Николай ее раньше не встречал и не разделял всеобщего ожидания. Он ни одного ее фильма не видел, чтобы гоняться за автографом. Ему и кота хватало.

Церемонию устраивали исключительно для «своих», человек на тридцать-сорок, и многие гости уже прибыли. В гостиной просторного особняка то и дело раздавались взрывы хохота: Санька со своим избранником травили байки.

Из общей гаммы выделялся мелодичный женский смех, который заставил остановиться в дверях. Николай сложил руки на груди и оперся плечом о косяк, разглядывая собравшихся, но так и не определил, чей голос заинтересовал его.

Да и какая, в общем-то, разница. Он хоть и любил шумные компании, но присоединиться сейчас не мог: обещал про-

контролировать в саду подготовку к церемонии. Всего три часа осталось.

– Даня, – окликнул он зятя, который пролетал мимо. – Тебя Настасья искала.

– А в какой стороне света она находится? Я уже и на юг сбегал и на север.

– На запад иди, не ошибешься.

Даня с Настей были самой главной гордостью Терехова, его лучшей вселенской инвестицией, которая окупилась с лихвой. Чего еще хотеть от жизни, Большой Босс так и не придумал с тех пор, как «дети» поженились. Всего имелось в достатке, в том числе и приключений. Пока международную корпорацию построил, пока дочку вырастил, пока мужа для нее вырастил, чего только ни начудил.

Дома, в Барвихе, был тренажерный зал для поддержания тонуса, в голове – полет здоровой мысли для поддержания психического здоровья, преемники на работе справлялись хорошо. Не жизнь, а сказка с временными перебивками на мимолетные романы.

Авантюрный дух и оптимизм открывали Терехову много дверей, а если двери не имелось в наличии, то он не шел к цели напролом, как делали многие давно сгинувшие конкуренты. Нет, Николай строил лестницу и, забравшись на облака, перешагивал преграды. Он был энтузиастом, новатором, который занимался технологиями и никогда не оставался один. Его часто называли эксцентричным, но что поделать – это

у них семейное. Он «горел» работой, в нем кипела жизнь, несмотря на возраст и тот факт, что скоро станет дедом.

Николай ослабил узел галстука, подкатал рукава белой рубашки и вернулся во двор, захватив граненый стакан с глинтвейном. На поверхности плавала гвоздика, и он вспомнил, как давным-давно – а вроде и недавно – жена добавляла в сухое красное вино тонну специй, сахара, а потом кипятила и радовалась. А он каждый раз притворялся, что плачет от благодарности, а не от того, что переваренная бурда взрывала мозг.

Когда-то жена, узнав о своем смертельном диагнозе, заставила поклясться, что Терехов снова полюбит. Она, будучи прирожденным юристом, даже шуточный документ составила и принудила подписать: «Я, Николай Терехов, обязуюсь найти новую любовь, иначе дух моей жены вернется в виде какого-нибудь вредного существа и испоганит мне жизнь».

Взрывная была. Настя – вылитая мать по характеру, такая же строптивая, но в то же время преданная. А вот внешностью дочка пошла в отца: голубоглазая, блондинистая, тонкая кость и магическая способность есть и не толстеть. Честное слово, магическая! Терехов любил притормозить у «Макдональдса» после работы, но фигуру так и не испортил. Его даже стабильно вносили в топ самых привлекательных богатых холостяков России. Так что Николай не страдал от недостатка женского внимания. Он страдал от его избытка. Не понимали охотницы, что ловить им нечего. Да, он овдо-

вел больше десяти лет назад, но будучи однолюбом, не мог представить рядом другую женщину. Была чередка их – чужих лиц, чужого голоса и отсутствия обязательств, а вот жениться снова он отказывался. Нельзя подменить настоящее чувство тенью, иначе жизнь потеряет вкус и смысл.

– Коль, отнесешь потом корзину к арке, – попросила его мать невесты, хозяйка этого гостеприимного дома. Она была беременна и выглядела цветущей и спокойной. Сейчас она срезала поздние белые розы с кустов, и Николай остановился, чтобы посмотреть.

– Как-то и заняться больше нечем, – признался он, оглядываясь на официантов, которые готовили на закрытой террасе фуршет.

– А ты кота поймал?

– О-о-й, и ты туда же, – возмутился он и направился через лужайку в дом, чтобы взять пиджак, в котором лежали сигареты.

Из динамика с террасы доносились звуки Фрэнка Синатры, «Killing me softly», и Николай начал подпевать. Он любил эту песню с детства, хоть тогда и не понимал слов.

Гости из дома успели переместиться в сад. Босс, задумавшись, едва не прошагал мимо невесты, которая окликнула его.

– Дядя Коля! Можно на минутку? Я вас быстренько на землю свалю, и дальше пойдете по своим делам, хорошо?

Она была не только дзюдоисткой, но и бесконтактный

бой практиковала, поэтому Терехов не удивился подобной просьбе. Видимо, невеста слишком нервничает, хочет сбить напряжение. Он посмотрел в ее большие добрые глаза и искренне сказал:

– Санечка, для тебя сегодня все что уго...!

Его будто в солнечное сплетение ударили, и он, едва успев вдохнуть, упал на газон, прямо на пожухлые, припорошенные снегом листья. И это при том, что его никто не коснулся.

– Невероятно, так это правда! – И снова он услышал этот смех, как звон колокольчиков. Его обладательница восторгалась проделкой невесты, как ребенок, хлопая в ладоши и излучая жизнерадостность, которая теплом влилась Терехову в вены. Ясно, значит, Санька не нервничала, а демонстрировала кому-то свои навыки.

Когда перед глазами рассеялась тьма, он наконец увидел, кому именно.

Над ним склонилась худенькая незнакомка, протягивая руку помощи. Ее темные распущенные волосы упали на щеки, и она убрала передние пряди за уши, открывая высокие скулы с легким румянцем.

Впервые за долгие годы Николай растерялся при виде женщины, поэтому послушно сжал ее ладошку, тонкую и прохладную, и поднялся с земли. Он, онемев, пристально вглядывался в искрящиеся смехом карие глаза, пытаясь вспомнить это лицо, а не вспомнив, нахмурился. Что-то в ней было знакомым до боли ... Да, точно – боль. Как отблеск

безнадежности в мягком взгляде, как печать тоски, той самой, к которой человек давно привык и перестал скрывать, и она звучала даже в искреннем смехе.

– Вы не ушиблись¹? – спросила она участливо, и Терехов с опозданием осознал, что незнакомка говорит по-английски.

– Простите, а вы...?

– Эмили Райт, я со стороны жениха.

– Вот оно что... Хм... А я Николай.

– О-у, как царь! – восхитилась она.

– В каком-то смысле, да...

– Пойдемте, смешаю вам коктейль, – предложила она в качестве компенсации, а Босс никак не мог прийти в себя.

– Удивительный момент, – пробормотал он.

– А я люблю удивлять, – с лукавым видом произнесла Эмили, и Терехов понял, что пропал.

Больше всего на свете он любил удивлять – и удивляться.

¹ В современном английском языке нет деления на «ты» и «Вы», помимо официальной переписки, так что общение между Николаем и Эмили на «вы» использовано исключительно как художественный прием.

Глава 2. Кот

«Не глазей», – приказала себе Эмили, но, как примагниченная, то и дело переводила взгляд на мужчину, который шел рядом. Она, наверное, смущала его навязчивым вниманием, но от неожиданности забыла правила приличия. Эмили заблудилась в глубине его глаз и не могла найти выхода.

Это все вино на голодный желудок виновато, да еще здешняя атмосфера. Слишком много радости и заразной энергии, которая захватила Эмили и превратила в хохочущую дурочку. С той минуты, как вышла из такси и ступила на порог дома, словно в иной мир попала. В мир, где люди не жалеют делиться теплом. И она так отогрелась, что теперь смеялась, смеялась... и глазела на царя Николая.

Она слышала о нем от Стаса – сегодняшнего жениха, который несколько лет жил в Штатах и работал в филиале корпорации Терехова. Но Большой Босс почему-то представлялся старым и серьезным. А рядом шел статный донжуан с обложки GQ.

Да и не в этом дело. То есть, неожиданно, конечно, но поразили Эмили именно глаза. Он посмотрел на нее – и словно в душу заглянул, распознав там надломленную женщину, которая притворялась сильной.

А может, показалось? Придумала себе все.

...Но глаза у него невероятные, голубые и добродушные, хоть и смотрел он сейчас настороженно. Нужно что-то сказать.

– Какой коктейль вы предпочитаете?

Его губы дрогнули.

– Я уже выпил глинтвейна, этого достаточно. Мне лишь хотелось составить вам компанию.

Эмили ощутила звенящее напряжение внутри и дико разволновалась от прилива воодушевления, которое затопило и прорвало плотину непричастности к жизни. Если бы она могла остановить время, затаив дыхание, она бы перестала дышать, только бы удержать этот волшебный момент, не отпустить в пустоту... Полтора беспросветных года без капли надежды, и вдруг ей словно прямой массаж сердца сделали, реанимировали – и она резко открыла глаза, чтобы увидеть свет.

– Вы надолго в гости, Эмили?

– Утром улетаю.

– Куда, если не секрет?

– В Лондон. Дела...

Он кивнул, подтверждая, что дела – это действительно основательная причина уехать.

Эмили улыбнулась виновато и сказала:

– Простите за ту шалость, я хотела увидеть Сашины приемы... У вас рубашка испачкалась, вот здесь. – Она положила ладонь на его крепкую руку, и пальцы дрогнули, ощутив

тепло. Мороз на улице, у нее самой губы слегка онемели, а новый знакомый, казалось, излучал электричество. Она отдернула руку, спрятав в кармане джинсовой куртки.

– Ничего страшного, – усмехнулся царь.

Смятение внутри с каждым шагом уступало место благодарности, и Эмили решила не навязываться слишком явно, чтобы не отпугнуть Николая. Хотелось просто провести спокойный день в компании интересного мужчины. Вряд ли подобный момент повторится в скором времени, поэтому стоило сказать судьбе спасибо и наслаждаться ощущением давно забытого вдохновения.

Ценить подобные моменты Эмили научилась только после того, как Дэвида не стало. И тем ценнее сейчас было каждое мгновение, каждый удар вдруг очнувшегося после душевной комы сердца.

Нет, она не боялась, что сердце сегодня снова разобьется. Наоборот, будто осколки склеились. Тому, кто изголодался по интересу к жизни и влечению к другому человеку, целый день подобного счастья – как подарок небес. Казалось, кто-то загадал для Эмили желание, и оно сбылось, дав ей надежду, напомнив, что она живая.

Мисс Райт. Тоненькая, наверняка легкая, и хочется подбирать сравнения, пока не найдешь идеальное. Она терзала карманы своей джинсовки, как девчонка на первом свидании, и Терехов ничего не мог с собой поделать: он просто

смотрел на нее и молчал, предоставив ей право голоса. Нравилось наблюдать, как она втягивает в рот нижнюю губу, обдумывая фразы и не произнося их.

– Рада была познакомиться, – наконец сдалась Эмили, решив сбежать. – Пора готовиться к церемонии. – Она посмотрела вниз, на узкие черные ботинки и серые свободные шаровары.

– До скорой встречи.

Он проводил взглядом мисс Райт и тоже вошел в дом. В углу гостиной подобрал свой забытый пиджак синего цвета, сшитый на заказ специально к свадьбе, и привычно похлопал по карману. Пачка сигарет была недорогая, но Николай и не курил. Давно бросил, чтобы дочка дурной пример не перенимала. Вместо этого он обманывал себя, просто вертя сигарету в пальцах и не поджигая. Зажигалки все равно не было.

Зажав сигарету зубами, он усмехнулся. Надо же, так неожиданно остро отреагировал на незнакомую женщину. Глянув в широкое окно, окаймленное морозным тающим узором, Терехов выцепил взглядом дочку, которая общалась с кем-то из персонала – видимо, флористом.

Встревоженный, сбитый с толку, он решил посоветоваться с Настенкой.

– Эмили?! Ты запал на Эмили?!

Н-да... Зря все-таки с дочкой заговорил об этом.

– А что с ней не так? – уточнил он.

– С ней все так. У нее, правда, душа в хлам и сердце в

дребезги. А так у нее полный порядок. Пап, ты пожалей человека. Ты же осознаешь, что вы живете и работаете в разных странах? Эмили – серьезная женщина, интрижки ее не интересуют.

– К чему ты клонишь? – притворился идиотом Терехов. Он все прекрасно понимал и сам, но вдруг до страшного захотелось пожить в иллюзии хоть пару часов.

– Клоню к закату. Ваших не начавшихся отношений.

Он раздраженно затолкал сигарету обратно в пачку и потер глаза.

– Настасья, занимайся букетом, – он махнул на застывшего в шаге от них флориста. – Я-то думал, ты за меня порадуешься, совет дашь.

– А я и посоветовала: руки прочь от оскороносной особы! Это все равно что в святой Грааль наплевать.

– Да прямо-таки, мы с ней взрослые люди.

Но Настена надвигалась угрожающим тайфуном:

– Клянись на святом распятии, что не прикоснешься к ней.

– Клянусь. Но если она сама проявит инициативу, то клятва аннулируется.

– Пф-ф, мечтай, Иуда.

Так, с подачи Насти, Терехов начал злиться, и злился до начала церемонии. Официальные документы были заранее оформлены в Доме бракосочетаний, но торжественность момента от этого не размылась, а наоборот, ощущалась легче

и бодрее.

Жених, Стас Архипов, стоял у высокой арки, увитой белыми розами, и в ожидании невесты улыбался во все тридцать два.

И вот зазвучала скрипка: музыканты сидели неподалеку на специально подготовленной платформе. Невеста показала в проходе под руку с Валиком и ступила навстречу судьбе. Настя тихо заплакала, стоя рядом со свидетельницей, младшей сестрой жениха, Лизой. Хорошая девчонка, хоть и мрачноватая. Вот и сейчас: Настена слезами давится, а та смотрит на нее странно, будто не понимает, как можно плакать на людях. Кремень, а не девочка. И Стас такой же, поэтому Терехов и взял его под крыло когда-то.

...Взгляд как бы невзначай скользнул по рядам гостей, снова выискивая Эмили. Улыбчивый работник ЗАГСа буквально через минуту собирался поведать о рождении новой семьи Архиповых, а Николай не мог найти причину, чтобы не пялиться на мисс Райт. Трогать ее нельзя, но смотреть-то можно.

Морозный воздух искрился вокруг нее, а цветочный аромат в саду разносило слабыми порывами ветра, и хотелось закрыть хрупкую фигуру собой, чтобы ей не было холодно. Эмили скромно сидела в ряду напротив, через проход, в кресле, обтянутом белой тканью, и на ее глазах блеснули слезы.

Подойти бы и стереть их, а потом...

Рыжий.

Кот крался к арке, как и предсказывала Настена. Вот же хитрый! Он шел не один, за ним на расстоянии хорошо-го броска показались ретривер и мейн-кун – зоопарк хозяев. Рыжий надвигался с бандитским выражением морды, но надвигался очень неуклюже, потому что на нем пузырился комбинезон. Поймала-таки его Настя! Ее в упрямстве никто не переплюнет. А отпустила зачем? Удрал, наверное, мстить пришел.

Николай поднялся и, пригнувшись, обошел ряды. Кто-то из гостей шикнул ему, призывая к тишине, но Терехов отмахнулся и прокрался к Рыжему. И тут этот отпрыск кошачьего демона действительно напал – но не на невесту, а прямо на Эмили, которая сидела с самого края во втором ряду. Актриса, естественно, не подозревала о надвигающейся катастрофе и потому завизжала бы, но Николай вовремя сделал искусный выпад в ее сторону. Чистая конкуренция с котом за право прыгнуть на «оскорonoсный Грааль».

Босс сдернул Эмили с кресла, и она хлопнулась к нему на колени в обнимку с котом. Рыжий был старый, мяукать не любил, а если и снисходил, то скорее сипел, но сейчас он тактично заворчал: Эмили, видно, прижала кошачью тушку слишком сильно.

– О Господи, Ник! – взволнованно прошептала мисс Райт, глядя в его глаза и машинально поглаживая кота по холке. Тот пыхтел и пытался вырваться, усы дыбом, но ком-

бинезон сковывал, и зверюге пришлось покориться.

– Это Рыжий, кот моей дочки, – тихо ответил Николай, оценив теплую волну в сердце от того, что желанная женщина назвала его по имени. Ник. Так интимно...

Он помнил, что клялся ее не трогать. Но, чисто теоретически, царь придворную актрису не трогал. Он свадьбу спасал.

Лазейки, лазейки...

Глава 3. Букет невесты

Сообразив, что все еще сидит на коленях у Большого Босса, Эмили разрывалась между двумя вариантами будущего: расхохотаться или покраснеть. Но мужчина быстро опомнился и помог ей подняться.

– Не отпускай его, Эмили. Желательно до конца церемонии, – попросил он, поэтому пришлось сесть на место и ласковое обнять кота. Он был забавный, недовольный, но милосердный, поэтому величественно развалился у новой знакомой на коленях, пошуршав комбинезончиком. Милаха. Он бы явно и коготки выпустил от удовольствия, да пинетки на лапах мешали.

Эмили состроила серьезное выражение лица и прислушалась к словам церемонии, ничего не понимая, но радуясь от этого не меньше. Жених, Стас, был ее другом. Он спас ей жизнь полтора года назад, в самолете. Незнакомый человек вытащил ее из пропасти, куда она прыгнула по своей воле, и Эмили платила Стасу безграничной благодарностью. Им приписывали роман, но между ними было лишь уважение.

К горлу подкатил ком непрошенных слез, напоминая о событиях годичной давности, и Эмили прижалась лицом к мягкой холке кота, который тихонько замурчал. Почувствовал, что ей нужна поддержка, добряк. Он не пытался сбежать

до конца церемонии, и от этого тоже хотелось срочно расчувствоваться.

Эмили прижала к себе кота и вдохнула аромат жасмина. Какой все-таки уютный кот! И так захотелось тепла, любви, что хоть рыдай. В конце церемонии Эмили поднялась вслед за остальными гостями и усадила нового друга на кресло, чтобы поплодировать. Снова заиграли скрипки.

Новобрачные, взявшись за руки, буквально пробежали по проходу, а потом Стас, счастливый и непривычно умиротворенный, подхватил невесту на руки и закружил ее. Раздалось дружное ободряющее «ах». Неожиданно невеста, Саша, закрыла глаза и бросила свой букет в гостей. И вот тут-то Эмили не сдержалась. Она взвизгнула, агрессивно отбивая от себя шедевр флористики, как бейсбольный мяч. И даже руки утерла о платье под жакетом, чтобы избавиться от «проклятия букета». Эмили искренне верила, что оно работает.

Раздались смешки, и кто-то по-английски крикнул: «Это не змея, не бойся!»

Вот сами и не бойтесь.

Эмили поймала насмешливый взгляд Стаса, который ей подмигнул и многозначительно кивнул в сторону. Проследив траекторию «толстого» намека, Эмили уперлась глазами в царя Николая.

Пф-ф! Стас обнаглел! Ему ли не знать, как безразличны ей мужчины после Дэвида... Стоп! Погодите! А что, ее заинтересованные взгляды в сторону Ника были настолько оче-

видны, что даже Стас все понял?! Она нервно поправила прическу, растерявшись, и натянуто улыбнулась.

Ник тоже смотрел на нее. Казалось, Эмили не могла ничего от него скрыть. Мужчина отсалютовал ей бокалом шампанского, который взял у официанта, и, сунув руку в карман брюк, уверенной походкой делового человека направился к ней. Сердце падало ниже и ниже с каждым его шагом, а тело каменело – Эмили превращалась в статую.

Ей запоздало стало стыдно, что устроила шоу из-за букета, но поднять его сейчас не смогла бы при всем желании, замороженная смешинками в глазах Ника.

– Не любишь цветы? – улыбнувшись краешком губ, спросил он.

– Не люблю проклятия.

– А если я подниму букет, то проклятие нас свяжет, как считаешь? – Не дожидаясь ответа, он наклонился, ловко подхватывая «артефакт». Красивый... И Ник, и букет. Среди белых роз, припорошенных серебристым снегом, выглядывали веточки вереска и ягоды насыщенного вишневого оттенка.

– Это шиповник? – полюбопытствовала она.

– Нет, кизил.

– Неловко вышло. Но замуж я не тороплюсь, – наконец призналась Эмили, принимая цветы. Ее пальцы легли поверх мужских, и прикосновение заставило выпрямить спину: словно жаром обожгло внутри. Перед тем как убрать руку, Ник едва уловимо мазнул подушечкой большого пальца по

ее коже, и у Эмили пересохло во рту.

Ник пристально смотрел ей в глаза, и она через силу улыбулась, чтобы не выглядеть загипнотизированной дурочкой.

«Эмили, тебе тридцать два года, соберись!»

– Спасибо, что удержала кота, – уже без смеха в голосе, тихо поблагодарил Ник. В его взгляде полыхнуло пламя, и Эмили, вспомнив наконец о том, что актриса, невозмутимо и как-то даже легкомысленно пожала плечами.

– Он меня согрел, – ляпнула она. – Все-таки холодно сегодня.

– Тебе и сейчас холодно?

Эмили медленно, очень глубоко вдохнула, выдерживая на себе внимательный, ищущий ответов взгляд цвета неба, и собралась сказать правду. Была ни была.

– Dorogoj! – Чужой женский голос ворвался в вакуум их уединения и разорвал связь, которая звенела между ними натянутой струной. Эмили опустила глаза к острым носам своих Маноло и прижала букет к груди, будто кто-нибудь мог его отобрать. Одно дело, когда это был «несущий проклятие веник», а другое – когда этот прекрасный дар ей вручил сам царь Николай. Придется сохранить и засушить. Не царя, а букет.

Ник холодно поздоровался с девушкой, которая подошла к ним, и представил ее как Соню Либерман, московскую художницу. Та куталась в шерстяной палантин, не особо старательно прикрывая довольно откровенное декольте короткого

платья, и пожирала глазами чужого царя. Эмили легко определяла качество внешней «отделки» у женщин, и могла с чистой совестью поставить печать «ненатуральный продукт» на Соне. Девушке было лет тридцать, а может и больше, но она выглядела, как модель «Victoria's Secret». Эмили никогда не страдала комплексом неполноценности, но в сравнении с ровесницей Соней почувствовала себя Бетт Мидлер рядом с Голди Хоун.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.